

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ
РУССКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1740-е гг.**

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

В статье анализируется политика России на Кавказе в 1740-е гг. В центре внимания находятся взаимоотношения российских властей с народами Кавказа, не являвшимися российскими подданными. Оценивается та роль, которая отводилась дагестанцам в стратегии российской внешней политики на Кавказе в 1740-е гг. Исследуется геополитическая ориентация народов Северного Кавказа. Рассматриваются методы и формы взаимодействия представителей России с дагестанскими феодалами, взаимные требования и обязательства. Роль в этих событиях астраханских губернских властей и командования Персидской экспедиции.

Ключевые слова: Россия, Персия, народы Северного Кавказа, Персидская экспедиция, российские власти, подданство, геополитика, XVIII в.

**RELATIONSHIP OF THE RUSSIAN AUTHORITIES AND THE PEOPLE
OF THE NORTH CAUCASUS IN THE PERIOD OF AN AGGRAVATION OF THE
RUSSIAN-PERSIAN RELATIONS IN THE 1740th**

Toropitsyn Ilya V., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

In article the policy of Russia in the Caucasus in the 1740th is analyzed. In the center of attention there is relationship of the Russian authorities with the people of the Caucasus which weren't the Russian citizens. That part which was assigned to Dagestanis in strategy of the Russian foreign policy in the Caucasus is estimated in the 1740th. Geopolitical orientation of the people of the North Caucasus is investigated. Methods and forms of interaction of representatives of Russia with the Dagestan feudal lords, mutual requirements and obligations are considered. Role in these events of the Astrakhan provincial authorities and commands of the Persian expedition.

Keywords: Russia, Persia, people of the North Caucasus, citizenship, Persian expedition, Russian authorities, geopolitics, XVIII century

Характерной чертой внешней политики России на Кавказе в 1730–1740-х гг. было ярко выраженное стремление придерживаться международно-правовых обязательств, которые накладывали двусторонние договоры с Персией и Турцией, заключенные в 1720–1730-гг., и добиваться неукоснительного соблюдения их от соседних держав. Выстраивая в русле этой политики свои взаимоотношения с народами Кавказа, российские власти проводили четкую геополитическую грань между российскими и иностранными подданными. Однако этот аспект русско-дагестанских отношений практически не нашел отражения в историографии.

Большинство авторов, затрагивавших данную тему, как правило, не разделяют народы Северного Кавказа по геополитическому принципу, характерному для эпохи XVIII в., концентрируя свое основное внимание преимущественно на страницах героической борьбы горских народов против внешней экспансии в первой половине XVIII в. При этом России в событиях 1740-х гг. на Кавказе в историографии отводится достаточно скромная роль, а порой действия ее представителей тракуются неверно.

Так, П.Л. Юдин, посвятивший в конце XIX в. свое исследование взаимоотношениям России и Персии в начале 40-х гг. XVIII в., рассматривая русско-дагестанские

связи, пришел к выводу об ошибочности позиции, занятой властями Кизляра в ответ на просьбы горских владельцев о военной помощи против персов. «К сожалению, – указывает он, – наши пограничные власти, вместо того, чтобы привечать таких людей или по крайней мере их "ласкою обнадёживать", своими неумелыми действиями только отталкивали их от себя» [19, с. 383]. Очевидно, что если бы П.Л. Юдину был известен более широкий круг источников, а не только донесения переводчика В. Братищева канцлеру князю А.М. Черкасскому, он не был бы столь категоричен в своих выводах.

В обобщающем труде по истории Дагестана проводится мысль о невозможности России, только что вышедшей из войны с Турцией и связанной договором 1735 г. с Ираном, оказать вооруженную помощь Дагестану. «В 1742–1743 гг. в Петербург из Дагестана прибыло несколько посольств с просьбой принять их под покровительство России, – говорится в нем. – Русское командование охотно принимало и обнадёживало посланцев Дагестана, но открыто объявить горцев под своей протекцией не решалось». При этом отмечается, что правительство России «встало на защиту населения Засулакской Кумыки», чем вынудило Надир-шаха отвести свои войска от этой области, а впоследствии оно создало препятствия для снабжения персидских войск припасами, что благотворно отразилось на борьбе народов Дагестана за независимость [6, с. 370–371]. В.Г. Гаджиев, развивая данную мысль в своей монографии, отмечает, что Россия в период похода персидского шаха Надира на Дагестан «в силу ряда причин, не в состоянии была оказать действительную вооруженную помощь Дагестану». Автор связывает это с русско-шведской войной 1741–1743 гг., для участия в которой были привлечены значительные силы казаков и калмыков [4, с. 142].

Р. Михнева, рассматривая международную обстановку на Кавказе в 1740-х гг., формулирует тезис о влиянии народов Дагестана на внешнюю политику России в данном регионе. «Сложность ситуации на Кавказе и в Прикаспии – регионе, в котором сталкивались интересы Порты, Ирана и России, – усугублялась для России связями с местными народами, – пишет болгарская исследовательница, – которые тяготели к ней и не раз искали ее покровительства. Русским властям в пограничных районах были посланы «указы о приласкании горских владельцев, однакож со всякою при этом потребною предосторожностью» [7, с. 85].

Среди работ по данной теме следует выделить монографию Н.А. Сотавова. Автор приводит ряд значимых фактов, свидетельствующих о заинтересованности России в укреплении связей с народами Дагестана в 1740-х гг. Он отмечает, что российские власти «осторожно поощряли горцев к борьбе против иранского владычества, снабжая провиантом, тайно обнадёживая в помощи через дипломатические каналы» [13, с. 107].

Коллективный труд «Северный Кавказ в составе Российской империи» под редакцией В.О. Бобровникова и И.Л. Бабича подводит определенный итог накопленным знаниям в данной области исторической науки. В нем утверждается, что Россия в 1740-х гг. в ответ на обращения горцев Северного Кавказа, «связанная» международными обязательствами, «не шла на официальное включение жителей региона в российское подданство, ограничиваясь прозрачными намеками кумыкским, чеченским и кабардинским владельцам о признании их "в верном и вечном покровительстве" и выдачей годового жалованья» [11, с. 46].

Утвердившееся в науке представление о политике России на Северном Кавказе в период активизации персидской экспансии в 1740-х гг. характеризует, в большей степени, лишь ее официальную, внешнюю сторону, в то время как важные аспекты тайной дипломатии России в этом регионе продолжают оставаться малоизученными. Так, авторы коллективного труда «Северный Кавказ в составе Российской империи» почему-то посчитали, что политика России распространялась только на те народы Кавказа, которые находились в сфере ее политических интересов (кумыки, чеченцы, кабардинцы), а ограничения на эту политику накладывали исключительно условия Белградского договора (1739 г.) [11, с. 46], хотя аналогичные требования содержались и в российско-иранских договорах, на что обратила внимание И.И. Якубова [20, с. 54–55].

Это отчетливо видно из материалов совместного постановления астраханского губернатора В.Н. Татищева, руководителя Персидской экспедиции генерал-майора В.П. Долгорукова, советника Коллегии иностранных дел Ю. Хризоскулева и других (декабрь 1743 г.). «По учиненному между Российской Империей с иранским двором трактату утверждено, – подчеркивалось в документе, – чтоб никого из подданных российских в Персию, тако ж и подданных персидских в Россию не принимать, почему по вступлению персидского шаха в Дагестан ко усмирению противных ему лезгинцов были от него персидского шаха у Двора Ея императорского величества прошения, дабы его противников и бегающих из его войска в границы Ея императорского величества не принимать, [на которые] последовали Ея императорского величества секретнейшие указы, которыми в приеме их накрепко воспрещено ево возможно от начинания ссоры уклоняться и потребным ко удовольствию ево доброхотствам себя представлять, разве в то время, когда шах учинит миролюбство и действительно с своим войском к нападению на российские границы подыметься и будет приближаться, в то время бегающих из войска ева людей в российскую сторону без всякого сомнения принимать, а дагестанцев на него возбудить. А бес того отнюдь шаху озлобления не чинить, дабы о том чрез кого не уведано было и немало бы безразсудства к вясчому огорчению запальчивости и к начинанию войны причину принять» [10, ф. 248, оп. 113, ед. хр. 203, л. 593об.–594].

Внимательно отслеживая обстановку на Кавказе, где местные народы развернули ожесточенную борьбу с персидской армией, российские власти на местах и дипломаты в Персии уделяли повышенное внимание вопросам геополитической ориентации народов Кавказа. На это счет в инструкции генерал-майору И. фон Трейдуну, назначенному в июне 1742 г. командующим русскими силами в районе Кизляра, предписывалось для сбора информации о взаимоотношениях лезгин, тавлинцев и других народов Кавказа с Персией «в горы посылать по чаще провеживать» намерены ли горцы продолжать войну с персидским шахом или некоторые из них склоняются вступить к нему в подданство или протекцию [2, ф. 77, оп. 7, д. 77, л. 4].

Не имея возможности прибегать к открытой агитации, российские власти вынуждены были вести ее методом тайной дипломатии. Так, в мае 1742 г. командующий войсками на Царицынской укрепленной линии генерал-поручик А.И. Тараканов поручил полковнику И. Засецкому «шаховым неприятелем яко лезгинам, тавлинцам и прочим» секретно объявить, что Россия, зная о приближении персидских войск к своим границам на Кавказе, направила в Кизляр две тысячи казаков с Дона. Генерал-майору И. фон Трейдуну, назначенного командиром войск Кизлярского округа, предписали «самым противникам шаху, которые с ним воюют, только в великом секрете, дабы не только до самого шаха, но и до подвластных ево не дошло, объявлять, что ваше превосходительство прибыли на границы с войски и еще туда к походу готовые войски в близости стоят». Демонстративно усиливая воинский контингент на Кавказе, в Санкт-Петербурге не без основания рассчитывали, что предпринимаемые Россией шаги окажут должное воздействие на горские народы, которые «в лучшее ободрение противу шаха обратиться могут, ибо от оных шаху противность высочайшему Ея императорскому величеству интересу полезно...» [5, ф. 394, оп. 1 доп., д. 16, л. 76; 2, ф. 77, оп. 7, д. 77, л. 4; 15, с. 254–282].

В конце 1742 г. российские власти приступают к более активным шагам по привлечению народов Кавказа к борьбе с Персией. Сенат 17 ноября постановил отпустить из Штатс-конторы в Коллегию иностранных дел 10 тыс. руб. «на подарки горским и другим тамошним владельцам, для побуждения их против шаха персидскаго», да закупить для той же цели различных сукон еще на 4 тыс. руб. Эти деньги и товары приказано было немедленно отправить в Кизляр к генерал-майору князю В.П. Долгорукову, который должен был сменить генерала-поручика А.И. Тараканова на посту начальника Персидской экспедиции. Распоряжаться выделенными средствами князь В.П. Долгорукий должен был очень осмотрительно, «чтоб шах персидский и никто из персиян отнюдь о том дознаться и никак сведать не могли, дабы тем не подать больше причины к начатию войны» [12, с. 479].

Российское военное командование, докладывая в декабре 1742 г. об обстановке на Кавказе, указывало «о слабой надежде в верности на андреевских и аксайских, також чеченских и кабардинских владельцев против шаха вспоможения». Поэтому указанные выше средства предназначались в первую очередь для них. Для утверждения их в верности к России генерал-поручик А.И. Тараканов направил к ним письма, а в конце декабря отрапортовал Военной коллегии, что «горские народы почти все в противность шаху и к подданству Ея И. В. пристойными способами приведены». Среди тех, кто отказался искать российской протекции, были тарковский шамхал Хасбулат и казикумухский владелец Сурхай [12, с. 504, 508–509].

Взаимоотношения с народами Кавказа, ведущими вооруженную борьбу с персидской агрессией, требовали от российских властей соблюдения повышенных мер секретности, однако от случайностей здесь никто не был застрахован. Так, посланный генералом-поручиком А.И. Таракановым в Москву майор И. Кротков, проезжая через Астрахань 27 декабря 1742 г., «публично в собрании многих людей разглашал» секретные сведения, в том числе о принятии в российское подданство «подданных шаховых дагестанцев, показывая реестр, кто из оных колико войска имеет». Астраханский губернатор В.Н. Татищев, опасаясь, что опрометчиво сказанные И. Кротковым слова «по множеству здесь персидских подданных может дойти до слуха шаху и никак утаится не может, от чего не безопасно, чтоб не подать ему шаху к разорванию вечного мира вясчей причины», вынужден был задержать майора и изъять у него служебную корреспонденцию, которую он отправил в столицу со своим курьером [10, ф. 248, оп. 113, ед. хр. 203, л. 593–594об.].

По сведениям Н.А. Попова, старшины более 1,5 тыс. аулов, насчитывавших 65700 человек, обратились в конце 1742 г. к российским властям за помощью и «били челом об избавлении их от персидского ига». Но, как он справедливо замечает: «Исполнить эту просьбу значило совершенно разорвать мир с шахом, который старались всячески поддержать». Это обстоятельство логично объясняет Н.А. Попову дальнейший ход действий В.Н. Татищева, который, не имея возможности своею властью решить столь важный вопрос, послал их прошения в Санкт-Петербург с приложением подробного реестра обратившихся к России дагестанских владельцев [8, с. 381].

Н.А. Попов, как нам представляется, излагая события русско-дагестанских отношений начала 40-х гг. XVIII в., не совсем ясно представлял себе цели, которые преследовала Россия на Северном Кавказе, и роль в этой политике пограничных властей. Он не учитывает одного важного обстоятельства, а именно того, что эти обращения были инициированы самой Россией, которая делала ставку на противодействие замыслам Персии чужими руками, в данном случае горских народов, не являвшихся ее подданными. Целью внешней политики России на кавказском направлении в первой половине 1740-х гг. было склонение таких дагестанцев (тавлинцев, лезгин и других) к активному сопротивлению персидским войскам, но при этом ею не ставилась цель оказания им военной помощи или защиты. Эта концепция предполагала возможность Санкт-Петербургу решать задачи по обеспечению безопасности южных рубежей страны, отвлекая силы Персии на борьбу с народами Дагестана и других стран, оставаясь при этом в тени и всячески подчеркивая на официальном уровне, что Россия находится в стороне от антиперсидских выступлений. Потому задача принятия в подданство народов Кавказа с целью избавления их от «персидского ига» перед астраханским губернатором не стояла.

4 января 1743 г. В.Н. Татищев направил в Кизляр предписание, в котором разъяснил, как следует поступать, если персидские власти будут интересоваться подробностями русско-дагестанских переговоров. Суть его предложений сводилась к тому, чтобы убедить персидскую сторону в том, что эти контакты были личной инициативой прежнего руководства Персидской экспедиции, не были санкционированы правительством и не имели никаких последствий. На этот счет, по словам П.Г. Буткова, «велено объявить, что как генерал-майор Тараканов из Кизляра отъехал, то и неизвестно (кто именно из горцев обращался к России. – И.Т.); а имена их не записаны, и они не приняты» [3, с. 223].

Генерал-майор князь В.П. Долгорукий по прибытии в Кизляр в середине января 1743 г. выяснил, что, несмотря на заявления своего предшественника А.И. Тараканова, далеко не все горские народы определились со своей внешнеполитической ориентацией. Он отмечал, что в Кизляр прибыли только чеченский владделец Айдемир и с ним четверо старшин, которые принесли заверения в верности России, обязавшись выступить всеми своими силами против персидского шаха. При этом Айдемир сообщил, что сын казикумухского владельца Сурхая Бамат хочет принять российское подданство. Но «от Усмея де, також от аварского и женгутейскаго владельцев и от прочих просящихся в подданство», отметил князь В.П. Долгорукий, ответа на письма, посланные генерал-поручиком А.И. Таракановым, не поступало. Возможно, это было связано с тем, что руководство Персидской экспедиции потребовало от народов Северного Кавказа «обязательного за подпискою и печатями их письма» [12, с. 516–517], но влиятельные горские владельцы, видимо, не имели возможности предоставить России требуемые от них письменные гарантии.

Более того, в начале января 1743 г. от российского резидента в Персии В. Братищева поступила информация, что чеченский владделец Али Султан вместе с кадием (духовным лицом) и еще тремя старшинами посетили персидский лагерь и обратились от имени главного чеченского владельца А. Бадырханова к персидскому шаху с просьбой принять их в подданство. При этом чеченские посланцы пообещали оказать помощь персидским войскам в проходе через горы, за что были щедро награждены шахом, который при отпуске их приказал дожидаться его с войском у реки Койса [2, ф. 77, оп. 1. 1743, д. 12, л. 57].

Данный факт поверг российские власти в изумление. Комментируя его в письме императрице Елизавете Петровне, В.Н. Татищев отмечал, что и В. Братищев остался в недоумении «с какого бы подвигу он (А. Бадырханов. – И.Т.) к шаху передаваться хотел, ибо он о своей к России верности пред сим Тараканову довольно изъяснился, приезжая нарочно с тем в Кизлярскую крепость и против шаха по возможности стоять обязался, после чего и средства свои к приведению других горских владельцев: усмея, больших аварцев и андреевцов в российское подданство по их собственному прошению ему Тараканову представил». Губернатор предположил, что племянник А. Бадырханова Али Султан мог тайно от дяди посетить персидский лагерь «ради единого лакомства» (т.е. вознаграждения) «или иногда он Айдемир ко обоим сторонам по непостоянству себя рекомендует, почему на него вовсе полагаться нельзя». В.Н. Татищев подчеркнул, что резидент В. Братищев предложил племянника А. Бадырханова и кадия, «захватя искусным порядком», доставить в Кизлярскую крепость, поместить под арест и провести над ними следствие [2, ф. 77, оп. 1. 1743, д. 12, л. 61–61об.].

Как считает П.Г. Бутков, инициатором развития чеченско-персидских отношений в данном случае выступил не А. Бардыханов (Бадырханов), а другой чеченский владделец – Али-Бек Казбулатов. Именно он, по версии П.Г. Буткова, в ноябре 1742 г. направил к персидскому шаху своих старшин вместе с духовным лицом Казы-Ханом «с поднесением желания быть у него в подданстве». С той же просьбой персидский лагерь посетили в январе 1743 г. сын Али-Бека, Али-Солтан (Али Султан), «купно с духовным кадием и тремя старшинами», которые обещали, как уже было отмечено, показать «к границам российским все удобные места» [3, с. 220–221].

На этом фоне информация о склонности к России тарковского владельца Эльдара («Аидара»), доставленная андреевским владельцем Албирем, стала для российских властей большой неожиданностью. Албирь заявил, что готов содействовать вступлению Эльдара в российское подданство, которого он «для подлинного в том утверждения, обещал привести в свою деревню». Сообщая об этом в Сенат, князь В.П. Долгорукий подчеркнул, что дал указание засекретить всю информацию о связях с тарковским владельцем Эльдаром, «дабы отнюдь не только до шаха, но и до верных ему ни до кого дойти не могло». Начальник Персидской экспедиции вручил Албирю «для приласкания его» 10 руб. и четыре аршина сукна и поручил немедленно заняться этим важным вопросом. «А как де он, Аидар, к упоминаемому Албирю в деревню приедет, – пояснял князь В.П. Долгорукий, – тогда, для утверждения его в верности, в глубочайшей тайности послан будет подполковник Росламбек» [12,

с. 518]. 3 февраля андреевский владелец Албирь вернулся в Кизляр и сообщил, что брат тарковского шамхала Хазбулата Эльдар не переменял своего намерения о вступлении в российское подданство. Активизировал переписку с российскими властями в Кизляре и сам тарковский шамхал Хасбулат [12, с. 524].

20 марта 1743 г. князь В.П. Долгорукий сообщил в Сенат о достигнутых результатах дипломатической работы, проводимой Россией среди народов Кавказа. В начале марта в Кизляр прибыли представители кайтагского уцмья («усмея»), аварского хана и дженгутайского владельца, которые доставили российским властям верноподданнические письма. Несмотря на то, что персидские войска были к тому времени уже отведены от русско-персидской границы на Кавказе, князь В.П. Долгорукий считал необходимым «объявленных горских владельцев содержать во знаке состоящих под протекциею Ея И. В. (как и ныне они содержаны были), ибо по содержанию их великая на них надежда (что и они в представлении своем объявили), яко оные, по их на шаха злобе, сильно могут беспокоить и в близость к границам не допустить, или еще по недостатку его войск, егда за Дербент выйдет, то они и разбить его могут» [12, с. 566].

Особое внимание руководитель Персидской экспедиции уделил вопросу взаимодействия с теми горскими владельцами, которые считались персидскими подданными. Он отметил, что в бытность шаха в Дагестане верные ему владельцы (тарковский шамхал Хасбулат и его брат Эльдар, а также тунтаркольский владелец Умалатов) «по секретным от меня засылкам» протекции России «с сердечною радостию покорно просят» [10, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 65, л. 3–3об.]. При этом шамхал Хасбулат, «в знак своей верности» сообщил российским властям через подполковника Р. Шейдякова «многие открытия, бывшие ему от шаха и в предбудущия намерения объявил». Несмотря на это российские власти подозревали, что истинная суть намерений шамхала Хасбулата заключается в обеспечение своей личной безопасности, а не в службе интересам России. Князь В.П. Долгорукий подчеркивал, что шамхал «не столько от искренности, сколько от уробления от горцев ищет себе спасения». Он полагал, что в этой ситуации Россия могла извлечь выгоду от стремления тарковского шамхала вступить в российское подданство. Территория шамхальства находилась вблизи границ России и могла бы прикрывать ее на дербентском направлении. В случае если бы шамхал «хотя мало неверствие и худой поступок оказал», тогда его можно было бы смирить силами других горских народов, которые «на него с великою язвительною жадностию состоят (о чем в их представлении означено), не дав никакого от российской стороны подозрения, безостаточно раззорить» [12, с. 566].

Следует подчеркнуть, что обращение за протекцией еще не означало, что подобная просьба получала автоматическое признание у Санкт-Петербургского двора. Для горских феодалов это был лишь первый шаг на пути выстраивания новых отношений с Россией, которая, как было уже отмечено, морально поддерживая народы Дагестана в борьбе против Персии, не спешила связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к ним. Так, на обращения кайтагского уцмья, дженгутайского владельца и аварского хана о принятии их в подданство российские власти «за непоколебимую их верность, по приличном благодарении» обнадежили их посланцев, прибывших в Кизляр 1 апреля 1743 г., «высочайшею Ея И. В. протекциею и защищением». Однако на просьбы горских владельцев было объявлено, что послать войска для их охраны пограничные власти «без указа» не могут, а за причиненные им «обиды» от тарковского шамхала и других «не весьма сильных» владельцев они «и без российских войск свой реванш отыскать могут». В отношении угрозы со стороны Персии посланцев обнадежили, что во время нападения персидской армии их владения будут «обще с ними» защищены российскими войсками и «до раззорения допущены не будут». При этом российские власти разъяснили посланцам горских народов, что впредь им давать аманатов тарковскому шамхалу «непристойно и противно», что российские власти прикажут шамхалу больше на них не нападать, а если он все же решится на это, то им разрешается «по их желанию» самим с ним «управиться». В то же время российские власти не были заинтересованы в углублении конфликта между тарковским шамхалом и другими горскими владельцами, так как это

делало бы проблематичным их совместное использование в интересах России. Не случайно князь В.П. Долгорукий подозревал, что горские владельцы приносят жалобы на шамхала «по злости своей несправедливо», поэтому поощрять их к нападению на Тарковское шамхальство не следовало [12, с. 577].

Что касается обращений самого тарковского шамхала и его родственника о принятии их в российское подданство, то к решению этого вопроса российские власти подходили очень осторожно. Несмотря на неоднократные сообщения князя В.П. Долгорукова зимой и весной 1743 г. о желании тарковского шамхала стать российским подданным, в Санкт-Петербурге не форсировали события, видимо, понимая, что открытый переход данного владельца в российское подданство может спровоцировать конфликт с Персией, который будет иметь весьма серьезные последствия.

В отношении родственника шамхала Эльдара ситуация выглядела менее острой, так как он не возглавлял шамхальство, однако персидские власти тоже присматривали за ним. В частности, андреевский владелец Албирь, которому руководством Персидской экспедиции было поручено заниматься вопросом приведения Эльдара в российское подданство, обнаружил его в Дербенте, откуда он не имел возможности свободно выехать. Узнав об этом, российские власти поставили перед Албирем условие, чтобы он добился приезда Эльдара в Кизляр для принесения присяги на верность России [12, с. 578]. Более жесткая позиция, занятая российскими властями по вопросу о принятии в подданство тарковского владельца Эльдара, была вызвана, по всей видимости, необходимостью убедиться в его политической самостоятельности и благонадежности.

На взаимоотношения России с народами Северного Кавказа в 1740-е гг. оказывала влияние не только нестабильная политическая обстановка в регионе, спровоцированная геополитическим противостоянием Персии и Турции, но и поведение самих горских владельцев, действия которых подчас противоречили российским интересам. Так, кайтагский уцмий Ахмед-хан, придерживавшийся, по мнению одних ученых, пророссийской ориентации, а, по мнению других, своих личных интересов [14, с. 203; 9, с. 27], обратился в 1743 г. к кумыкским владельцам с призывом совместно напасть на персидские области. Оперативное вмешательство в ситуацию астраханского губернатора В.Н. Татищева, который, не дожидаясь реакции правительства, направил им личные письма с предостережением от этого шага, помогло в итоге удержать российских подданных от набега на Персию [2, ф. 121, оп. 1, 1743 г., д. 2, л. 1–3, 11; 5, ф. 394, оп. 1 доп., д. 32, л. 46; 20, с. 55–56]. Но этот факт отчетливо продемонстрировал российским властям, насколько непредсказуемыми могли быть действия горских феодалов.

Предпринимая в 1740-х гг. шаги по усилению своего геополитического влияния на Северном Кавказе, Россия столкнулась с проблемой реального контроля над горскими народами, многие из которых формально изъявили свое желание стать российскими подданными [16, с. 170–173]. В октябре 1743 г., например, при проезде через Кайтагское уцмийство были ограблены российские купцы и посланный резидентом В. Братищевым курьер Т. Уразаев, у которого отняли дипломатические письма. Случаи грабежа на торговых путях в то время не были редкостью, но российские власти возмутил тот факт, что люди уцмий, который изъявил желание служить России, не предприняли шагов к возвращению имущества российских подданных. Ответная реакция со стороны России была предсказуемо жесткой. В.Н. Татищев приказал кизлярскому коменданту «до возвращения всего того посланных от него усмея в Аксайскую деревню для покупки овец с деньгами людей удержать и ничего как усмейским, так и лезгинским людям за их противности от подданных наших горских татар не продавать и ссудою не отпускать» [5, ф. 394, оп. 1, д. 955, л. 115, 116].

Применявшиеся российскими властями меры воздействия на горские народы, безусловно, давали краткосрочный эффект, но разовые акции не могли за короткий промежуток времени кардинально изменить образ жизни народов Кавказа, привыкших жить по своим традициям и обычаям, которые далеко не всегда сочетались с геополитической обстановкой. Кайтагский уцмий Ахмед-хан на встрече с князем Эль-мурзой Бековичем Черкасским, направленному к нему в связи с этим инциден-

том из Кизляра, говорил, что не видит за собой никакой вины, «понеже горские народы каждый себе воеводою», но обязался отыскать пограбленное имущество и передать его российским властям. Уцмий напомнил российскому представителю, что когда тот приезжал к нему в Аварию, где он скрывался от персов, с предложением вступить в российское подданство и дать письменные обязательства служить России, он ему отказал, подчеркнув: «ежели кто Дербентом будет владеть, Россия или Османья, того я и слуга; а если вечно от сего времени останется Дербент в Персидских руках, то мне и владение мое не нужно, и своей одной головою, где ни есть до смерти, в турецкой или в русской области, дни окончаю». При этом Ахмед-хан и тогда и на будущее не отказывался оказывать услуги российской стороне, подчеркивая, что «в том на меня Османья гнева иметь не будет; от меня туда о том пространнее писано» [8, с. 417–418].

Откровенная позиция уцмий наглядно демонстрировала противоречивость геополитической ориентации народов Северного Кавказа. «Феодальные правители Дагестана, как и всего Кавказа, – пишет В.Г. Гаджиев, – исходя из своих корыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию» [4, с. 224]. «Для уцмий Кайтага активные дипломатические отношения с соперничавшими за Кавказ державами были своего рода мощным инструментом реализации планов по отстаиванию интересов своего государственного образования, – подчеркивает М.Р. Рашидов, – а Россия, Иран и Турция, в зависимости от политической обстановки, в разное время становились объектами его политических интересов» [9, с. 30].

От изменчивости позиции горских владельцев и нестабильности ситуации на Северном Кавказе страдали, между прочим, не только торговые круги разных стран, представители которых при следовании через Дагестан подчас становились легкой добычей для разбойников. Отсутствие безопасного проезда по суше вдоль западного побережья Каспийского моря, особенно в зимний период, когда почту нельзя было доставлять водным путем, напрямую затрагивало не только экономические, но и политические интересы России. Так, в конце 1744 г. – начале 1745 г. кизлярский комендант сообщал астраханскому губернатору, что у него имеются трудности с получением разведанных из Дагестана, так как многие «шпионы» не возвращаются. «Сие следует не иное что, но более от них самих горских владельцев беспокойства, – писал князь В.А. Оболенский В.Н. Татищеву, – что проезд весьма несвободной и опасной...» [10, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 65, л. 13об. – 14].

В канун 1745 г. на Кавказе вновь обострилась обстановка, вызванная внезапным появлением персидских войск, что посеяло панику не только у «шаховых противников», но и среди части его сторонников из числа владельцев Дагестана. «При сих обстоятельствах одни из кумыкских владельцев начали удаляться в крепкия горы, – пишет П.Г. Бутков, – другие искали заранее поддаться шаху, и чеченские имели с ним и переписку» [3, с. 232]. Комендант Кизлярской крепости князь В.А. Оболенский в спешном порядке затребовал себе у астраханского губернатора в помощь войска и указаний, как ему следует поступать. Рассматривая данный эпизод, А. Абдурахманов отмечает, что кизлярский комендант, жалуясь в Военную коллегию на астраханского губернатора, требовал инструкций, в том числе, как ему выстраивать отношения с народами Кавказа, которые Россия в начале 1740-х гг. старалась склонить под свое покровительство. «По словам Оболенского, – пишет А. Абдурахманов, – малочисленность русских войск в Кизляре вызывала колебания у горцев, которые делали из этого вывод, что Россия не в силах оказать им действительную помощь». «Поэтому, – отмечал Оболенский, – усиление русских войск в Кизляре даст возможность склонить горские народы к России». Русское командование на Кавказе, по словам А. Абдурахманова, немедленно приступило к укреплению границ, в Кизляр были направлены несколько полков под командованием генерал-лейтенанта (генерала-поручика) Еропкина. «Кроме того, – указывает он, – были приняты меры для объединения против Надира сил ряда дагестанских владельцев, находившихся под русским влиянием» [1, с. 81–82].

Очевидно, что если бы А. Абдурахманову было известно, как отреагировал астраханский губернатор на подобные действия своего подчиненного, то он бы знал, что

В.Н. Татищев еще 1 января 1745 г. дал на этот счет все необходимые указания кизлярскому коменданту. На состоявшемся в Астрахани совещании, в частности, было принято решение послать в Кизляр Куринский полевой пехотный полк, находившийся в Астрахани на зимних квартирах, и подготовить для отправки еще один пехотный полк [5, ф. 394, оп. 1, д. 1046, л. 31об.]. Несмотря на это, князь В.А. Оболенский 20 января направил в Военную коллегию и Коллегию иностранных дел упомянутые выше донесения, содержавшие критику в адрес астраханского губернатора. Свой шаг он мотивировал тем, что В.Н. Татищев серьезно болен и, якобы, «за тяжкою его тайного советника и губернатора болезнию на самонужнейшие и секретнейшие дела резолюции или наставления из Астрахани получить ему не от кого» [5, ф. 394, оп. 1, д. 1046, л. 31]. Астраханского губернатора накануне действительно сковал паралич на одну половину тела, но, как было сказано, это не помешало ему срочно созвать у себя совещание, на котором были выработаны четкие меры реагирования на появление персидских войск в Дагестане.

Обращение кизлярского коменданта не в Астраханскую губернскую канцелярию, которой он был подчинен, а напрямую в столицу в обход непосредственного начальства, вызвало у В.Н. Татищева крайнее недоумение. 26 января 1745 г. астраханский губернатор, который к этому времени «от болезни своей малую свободу» получил, поручил направить кизлярскому коменданту секретный ордер с резким выговором за подобные действия и разъяснения основ политики России на Кавказе. Губернатор, прежде всего, призвал своего кизлярского коллегу и подчиненного не паниковать, а действовать в соответствии с имевшимися у него указами и инструкциями. «Что же он комендант требует немало полков драгунских и пехотных, – указывал В.Н. Татищев, – а для чего потребно разуметь не можно, если великая его робость мучит, то надлежит о сем просить, что он не в состоянии при таких страхах быть, или желает при себе великую команду иметь, то первое надлежит разсудить о своем чине и способности, а главное смотреть требует ли интерес Ея императорского величества того умножения...». В.Н. Татищев был убежден в том, что России не следует необоснованно увеличивать войска на российско-персидской границе, и находил в этом понимание и поддержку в столице [5, ф. 394, оп. 1, д. 1046, л. 33об. – 34].

Нашла в секретном ордере отражение и позиция России в отношении горских народов. Губернатор обратил внимание князя В.А. Оболенского на то, что персидский шах в Дагестан «вступил для наказания противников подданных своих», в чем его «предосуждать не должно, ибо каждый государь своего подданного наказать волен». Он подчеркнул, что в задачу кизлярского коменданта входит контроль того, чтобы российские подданные не вторгались в пределы Персии и не укрывали перебежчиков с персидской стороны («все, чтоб токмо могло противу договоров мирных быть того предостерегать и неусыпно прилежаниями наблюдать и вредное что мирному трактату от того отвращать и недопусчать») [5, ф. 394, оп. 1, д. 1046, л. 32об.]. Этим В.Н. Татищев в очередной раз четко обозначил князю В.А. Оболенскому рамки геополитических интересов России на Кавказе – они заканчивались там, где проходила русско-персидская граница.

Что касается тех народов Кавказа, на которые не распространялась официальная, признанная на международном уровне юрисдикция России, то, по словам астраханского губернатора, взаимоотношения с ними кизлярским властям следовало выстраивать исходя из оперативной обстановки. «Егда от персидского шаха границам Ея императорского величества опасности не предвидится..., – указывал далее В.Н. Татищев, – в таком случае по указам Ея императорского величества с персидской стороны горских владельцев в протекцию Ея императорского величества призывать не надлежит, а имянным Ея императорского величества указом велено в то время их призывать, когда персидский шах по своей возмерчивости на российские границы напасть вознамерится и действительно пойдет, почему и он (кизлярский комендант. – И.Т.) в силе сего и поступать должен» [5, ф. 394, оп. 1, д. 1046, л. 32об. – 33].

Таким образом, можно видеть, что проблема взаимоотношений России с народами Кавказа являлась составной частью более глобальных международных отношений в регионе. В 1740-е гг. большая часть Дагестана находилась в составе Персии.

Поэтому поддерживать горские народы в борьбе с Надир-шахом Россия открыто не могла – это привело бы к вмешательству в дела другого государства. Как только ситуация на русско-персидской границе обострялась и возникала угроза возможного военного конфликта с Персией, вопрос с привлечением горских народов к борьбе с Надир-шахом приобретал для России важное значение. Ее официальные представители готовы были обсуждать его на условиях конфиденциальности и сами проявляли интерес к переговорам такого рода. Но как только военно-политическая обстановка разряжалась, данная проблема в глазах российских властей уходила на дальний план. При этом они отдавали себе отчет, что «шаховы противники» в Дагестане, по сути, являются его подданными. Это накладывало отпечаток на характер взаимоотношений с ними российских властей. Из этого следует, что Россию в середине XVIII в. вполне устраивал сложившийся геополитический баланс сил на Кавказе, зафиксированный двусторонними договорами с Персией и Турцией. Она не собиралась первой нарушать установившееся равновесие, но не исключала такой возможности в случае прямой военной угрозы со стороны своих южных соседей по региону, что и продемонстрировала в 1742–1743 гг., вступив в тайные переговоры с горскими народами с целью активизировать их борьбу с Персией.

В Астрахани губернские власти четко осознавали все нюансы российской политики на Кавказе, но их не всегда понимало командование в Кизляре, которому приходилось периодически разъяснять принципы внешнеполитического курса России. В этой связи следует подчеркнуть, что сформировавшееся в историографии мнение о якобы «безынициативности» астраханского губернатора В.Н. Татищева в вопросах, связанных с политикой России на Кавказе [1, с. 81–82; 13, с. 112–113], не соответствует действительности. Как свидетельствуют факты, В.Н. Татищев, имея богатый опыт взаимоотношений с инородным населением юго-востока России, обладая расширенным кругозором ученого и мышлением незаурядного государственного деятеля, действовал в строгом соответствии с внешнеполитическим курсом России, в основу которого были положены мирные договоры с Персией и Турцией. При этом во взаимоотношениях с народами Кавказа, не являвшимися подданными России, предпринимаемые астраханским губернатором шаги были обусловлены конкретной ситуацией в пограничных районах и международной обстановкой, оказывались своевременными и получали одобрение центральной власти [16, с. 170–173; 17, с. 331–337; 18, с. 251–258].

Список литературы

1. Абдурахманов А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. / А. Абдурахманов. – Баку : Изд-во АН АзССР, 1964.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
3. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – СПб., 1869. – Ч. 1.
4. Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане / В. Г. Гаджиев. – Махачкала, 1996.
5. Государственный архив Астраханской области (ГААО).
6. История Дагестана. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1967. – Т. 1.
7. Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756) / Р. Михнева. – М. : Наука, 1985.
8. Попов Н. В. Н. Татищев и его время / Н. Попов. – М., 1861.
9. Рашидов М. Р. Кайтагское уцмийство в контексте кавказской политики Ирана, Турции и России в первой половине XVIII в. / М. Р. Рашидов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 1.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
11. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2007.
12. Сенатский архив. – М., 1892. – Т. 5.
13. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кучук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. / Н. А. Сотавов. – М. : Наука, 1991.
14. Сулейманкадиева А. Э. Влияние Кайтагского уцмийства на формирование геополитической идеи в южном и восточном направлениях российской внешней политики в первой половине XVIII века / А. Э. Сулейманкадиева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – Т. 14, № 37.

15. Торопицын И. В. В. Н. Татищев и деятельность Персидской экспедиции на Кавказе. Подготовка к отражению вторжения Надир-шаха на Россию / И. В. Торопицын // Архив русской истории. – М. : Древлехранилище, 2007. – Вып. 8.
16. Торопицын И. В. Политико-экономические санкции как способ решения внутривосточных проблем и пограничных инцидентов на юго-востоке России в 1730–1740-х гг. / И. В. Торопицын // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 6 (12) : в 3-х ч. – Ч. 2.
17. Торопицын И. В. Антиперсидская борьба в Грузии как фактор сближения интересов России и Турции в 40-х гг. XVIII в. / И. В. Торопицын // Османский мир и османистика : сб. ст. к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). – М. : ИВ РАН, 2010.
18. Торопицын И. В. Россия и Тарковское шамхальство в 1730–1740-х гг. / И. В. Торопицын // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха : мат-лы Междунар. научн.-практич. конф., проведенной в рамках «Года Российской истории» (25 мая 2012 г., г. Махачкала). – Махачкала : ИИФЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2012.
19. Юдин П. Л. Россия и Персия в конце 1742 года по письмам Братищева к канцлеру князю А. М. Черкасскому / П. Л. Юдин // Русский архив. – М., 1899. – Т. 3.
20. Якубова И. И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е годы XVIII века / И. И. Якубова. – Нальчик, 1993.

References

1. Abdurakhmanov A. Azerbaydzhan vo vzaimootnosheniyakh Rossii, Turtsii i Irana v pervoy polovine XVIII v. / A. Abdurakhmanov. – Baku : Izd-vo AN AzSSR, 1964.
2. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI).
3. Butkov P. G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god / P. G. Butkov. – SPb., 1869. – Ch. 1.
4. Gadzhiev V. G. Razgrom Nadir-shakha v Dagestane / V. G. Gadzhiev. – Makhachkala, 1996.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti (GAAO).
6. Istoriya Dagestana. – M. : Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1967. – T. 1.
7. Mikhneva R. Rossiya i Osmanskaya imperiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v seredine XVIII veka (1739–1756) / R. Mikhneva. – M. : Nauka, 1985.
8. Popov N. V. N. Tatishchev i ego vremena / N. Popov. – M., 1861.
9. Rashidov M. R. Kaytagaskoe utsmiystvo v kontekste kavkazskoy politiki Irana, Turtsii i Rossii v pervoy polovine XVIII v. / M. R. Rashidov // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. – 2011. – № 1.
10. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA).
11. Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
12. Senatskiy arkhiv. – M., 1892. – T. 5.
13. Sotavov N. A. Severnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v. Ot Konstantinopolskogo dogovora do Kuchuk-Kaynardzhyskogo mira 1700–1774 gg. / N. A. Sotavov. – M. : Nauka, 1991.
14. Suleymankadiyeva A. E. Vliyaniye Kaytagaskogo utsmiystva na formirovaniye geopoliticheskoy idei v yuzhnom i vostochnom napravleniyakh russiyskoy vneshney politiki v pervoy polovine XVIII veka / A. E. Suleymankadiyeva // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – SPb., 2007. – T. 14, № 37.
15. Toropitsyn I. V. V. N. Tatishchev i deyatelnost Persidskoy ekspeditsii na Kavkaze. Podgotovka k otrazheniyu vtorzheniya Nadir-shakha na Rossiyu / I. V. Toropitsyn // Arkhiv russkoy istorii. – M. : Drevlekhranilishche, 2007. – Vyp. 8.
16. Toropitsyn I. V. Politiko-ekonomicheskie sanktsii kak sposob resheniya vnutripoliticheskikh problem i pograniichnykh intsidentov na yugo-vostoke Rossii v 1730–1740-kh gg. / I. V. Toropitsyn // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2011. – № 6 (12) : v 3-kh ch. – Ch. 2.
17. Toropitsyn I. V. Antipersidskaya borba v Gruzii kak faktor sblizheniya interesov Rossii i Turtsii v 40-kh gg. XVIII v. / I. V. Toropitsyn // Osmanskiy mir i osmanistika : sb. st. k stoletiyu so dnya rozhdeniya A. S. Tveritinovoy (1910–1973). – M. : IV RAN, 2010.
18. Toropitsyn I. V. Rossiya i Tarkovskoe shamkhalstvo v 1730–1740-kh gg. / I. V. Toropitsyn // Kavkaz i Blizhniy Vostok: ot Kaspiyskogo pokhoda Petra I do raspada derzhavy Nadir-shakha : mat-ly Mezhdunar. nauchn.-praktich. konf., provedennoy v ramkakh «Goda Rossiyskoy istorii» (25 maya 2012 g., g. Makhachkala). – Makhachkala : IIFE DNTs RAN, ALYeF, 2012.
19. Yudin P. L. Rossiya i Persiya v kontse 1742 goda po pismam Bratishcheva k kantsleru knyazyu A. M. Cherkasskomu / P. L. Yudin // Russkiy arkhiv. – M., 1899. – T. 3.
20. Yakubova I. I. Severnyy Kavkaz v russko-turetskikh otnosheniyakh v 40–70-e gody XVIII veka / I. I. Yakubova. – Nalchik, 1993.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
ПО БОРЬБЕ С ИСЛАМСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

Сызранов Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: A_Sizranov@mail.ru

Статья посвящена анализу политики Российского государства по борьбе с исламским экстремизмом на территории Поволжского региона (в частности, в Астраханской, Самарской, Ульяновской, Нижегородской, Оренбургской областях и Республике Мордовия). В конце XX – начале XXI в., в связи с притоком в Поволжье представителей различных этнических групп из Центральной Азии и Северного Кавказа, в регион начали проникать идеи, не характерные для российского «традиционного» ислама. Вслед за идеями появились экстремистские группировки, борьбу с которыми начали вести правоохранительные органы.

В результате проникновения и распространения в России идей радикального ислама резко увеличилось число мусульман (преимущественно, из числа молодежи), придерживающихся экстремистских взглядов. Это обусловлено многими факторами: активность зарубежных радикально-экстремистских движений и организаций; религиозную непросвещенность людей; реальные недостатки, проблемы легальных мусульманских организаций Поволжья; недоработки и недостаточное внимание к исламу региональных и муниципальных органов власти. Для борьбы с экстремизмом необходимо возрождать и пропагандировать ценности «традиционного» ислама. Во всех регионах Поволжья осуществляется более-менее конструктивное взаимодействие органов власти и исламских организаций в противодействии угрозам распространения радикальных идей среди мусульман региона.

Ключевые слова: духовное управление, ислам, мусульманские организации, Поволжье, политика, радикализм, Российское государство, салафиты, экстремизм

**STATE POLICY OF RUSSIA ON FIGHT AGAINST ISLAMIC
EXTREMISM IN THE TERRITORY OF THE VOLGA REGION
AT THE END OF XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Syzranov Andrey V., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: A_Sizranov@mail.ru

Article is devoted to the analysis of policy of the Russian state on fight against Islamic extremism in the territory of the Volga region region (in particular, in the Astrakhan, Samara, Ulyanovsk, Nizhny Novgorod, Orenburg areas and the Republic of Mordovia). At the end of XX – the beginning of the XXI century, in connection with inflow to the Volga region representatives of various ethnic groups from Central Asia and the North Caucasus, ideas started getting into the region, not characteristic for the Russian "traditional" Islam. After ideas there were extremist groups fight with which started conducting law enforcement agencies.

As a result of penetration and distribution in Russia of ideas of radical Islam the number of Muslims (mainly, from among youth), adhering extreme views sharply increased. It is caused by many factors: activity of foreign radical extremist movements and organizations; religious ignorance of people; real shortcomings, problems of the legal Muslim organizations of the Volga region; defects and insufficient attention to Islam of regional and municipal authorities. For fight against extremism it is necessary to revive and propagandize values of "traditional" Islam. In all regions of the Volga region more or less constructive interaction of authorities and the Islamic organizations in counteraction to threats of distribution of radical ideas among Muslims of the region is carried out.

Keywords: spiritual management, Islam, Muslim organizations, Volga region, policy, radicalism, Russian state, salafits, extremism